

Чего боятся приемные родители?

Авторы: М.В. Капилина, Л. Петрановская

Когда люди хотят принять в свою семью ребенка, они руководствуются самыми добрыми чувствами и намерениями. И эти добрые побуждения ложатся на «одну чашу весов» в процессе принятия решения. А на «другой чаше весов» оказываются как социальные стереотипы («мифы») в отношении детей из детских домов, так и вполне реалистичные опасения.

Какие из страхов напрасны, а чего все же стоит опасаться? А главное — что делать, чтобы опасения не сбылись? Об этом и пойдёт разговор в этой статье.

Начнем с того, что бояться и тревожиться в переломный момент своей жизни (а появление нового члена семьи, хоть родного по крови, хоть нет, это именно такой момент) — нормально и даже правильно. Психологи проводили исследования, которые показали, что у тех беременных женщин, которым часто снились тревожные сны, роды проходили более благополучно. Возможно потому, что женщина из-за тревоги более ответственно относилась к себе, готовилась к появлению ребенка. Наш многолетний опыт показывает примерно то же самое: как раз у самоуверенных и не испытывающих тревоги приемных родителей чаще бывают проблемы, а тот, кто боится, переживает, но все равно делает, рано или поздно справляется с любыми трудностями. Так что бойтесь на здоровье, главное — не позволяйте страху вас парализовать, старайтесь больше узнать и судить непредвзято, не попадая во власть мифов и предубеждений.

В конечном итоге все многообразные страхи приемных родителей можно разделить на две основные группы:

1) **Страхи «про ребенка».** Они могут звучать так: «У него плохие гены», «Он вырастет плохим (необразованным, испорченным) человеком», «Все мои усилия будут напрасны», «Он повторит судьбу своих кровных родителей».

2) **Страхи «про отношения».** «Он (она) не будет меня любить (бросит)», «Я не смогу его полюбить», «Мы никогда не станем друг другу родными», «Он скажет когда-нибудь: ты мне не мать!»

Для многих родителей две эти группы в конечном итоге сливаются в одном всеохватывающем чувстве страха: «Я — не справлюсь, я окажусь плохим родителем».

Мы постарались добросовестно рассмотреть эти два «куста чертополоха», отравляющих жизнь приемным родителям — и не только в период принятия решения, но и потом, во время совместной жизни с ребенком. В основе наших размышлений — работа со многими замещающими семьями, которые обрели доверие и близость со своими приемными детьми, невзирая на все трудности. И научились просто жить со своим ребенком — радоваться его успехам и его человеческой неповторимости, хрупкой

гармонии взаимоотношений, которую не надо (и невозможно!) сравнивать с чьими-то еще мирами. То есть научились быть семьей.

Часть 1

«Он чужой, он чужой, он плохой... Он — это лучшее, что было со мной...» (из какой-то песни)

Кроманьонцы мы или кто?

Итак, куст первый. В основе большинства перечисленных страхов лежит от природы присущее человеческим (и вообще живым) существам чувство опасности перед чужим, не принадлежащим к своей семье (прайду, стае). Кто его знает, чего от чужого ждать... Скорее всего — ничего хорошего. И опять-таки конкурент, претендует на еду, территорию. Лучше его прогнать поскорее. Все это заложено в нас на уровне инстинктивной программы, винить тут себя совершенно не за что. Вопрос в том, что нам с этой программой делать. Мы все-таки люди, даже вроде бы разумные (есть такая гипотеза — непроверенная).

Согласно другой гипотезе, неандертальцы, например, именно потому и выродились, что не сумели преодолеть этой биологической программы и не стали вступать в браки с представителями других племен. Наши же непосредственные предки, кроманьонцы, как-то эту задачу решили, сумели свой страх перед чужим обуздать — и вот потому мы сейчас здесь, Интернетом пользуемся.

Однако у современного человека есть и свои основания для неприятия чужого. Грустно, но факт, что дети становятся приемными после того, как остались без собственных родителей, стали сиротами. А в наше время они обычно становятся социальными сиротами — то есть оказываются одинокими не по воле злого рока, а по причине алкоголизма, жестокости, безответственности и прочего подобного поведения их собственных папы и мамы. То есть эти дети для большинства приемных родителей — еще и представители другого социального слоя, с другими представлениями о том, как надо растить детей, как себя вести, ради чего и как жить и т. п. Как говорится, «два мира, два образа жизни». Пока ребенок маленький и послушный, про это не думается. А как только дитя в первый раз выпьет пива, или покрасит губы — тут-то этот страх волной и накроет. И ведь не придет в голову здравая мысль: «Это возраст такой». Мысли будут примерно такие: «Все, это наследственность. Он уже спивается. Она уже начала становиться проституткой».

Давайте попробуем успокоиться и разобраться в теме подробнее.

ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ?

- ***Не терять головы.***
- ***Избегать предвзятости в суждениях.***
- ***Больше доверять своим чувствам «здесь и сейчас», в сегодняшнем общении с ребенком, а не страхам «что может быть потом».***

Наследственность, или как Мичурин получил сотрясение мозга

Кстати, помните, как? Предание гласит, что полез на дуб за арбузом — а тот ему на голову упал. Шутки шутками, а этот анекдот в чем-то очень точно описывает страхи приемных родителей перед наследственностью. Ведь, в самом деле — ребенок-то зачат и рожден, а может быть, и воспитывался несколько лет другими людьми. Этого факта мы изменить не можем. В этом смысле, что ни делай, он всегда будет «арбузом на дубе». А ну как сорвется с неродной ему ветки — да по голове?

«Плохая наследственность» — самое распространенное, практически «универсальное», объяснение любым трудностям, возникающим в процессе воспитания приемного ребенка. И самое опасное. Потому что «наследственность» — то, что изменить нельзя. То, что не дает шанса ни ребенку, ни родителям. А значит, заставляет опускать руки и отчаиваться вместо того, чтобы решать проблемы. Ссылаясь на плохую наследственность, мы, по сути, отталкиваем ребенка от себя, отказываем ему в праве меняться.

Объяснение это и самое несправедливое, поскольку употребляется гораздо чаще не к месту, ложно. Ведь сегодня все знают, что есть какие-то гены, но что от них зависит и как это проявляется — мало кто себе представляет.

Строго говоря, «наследственность» — это потенциал. То, насколько этот потенциал — как отрицательный, так и положительный! — реализуется, зависит от среды, а значит, от семьи, в которой ребенок растет. Соотношение факторов среды и наследственности — «50 на 50». В каких-то областях оно сдвинуто в одну сторону, например, цвет волос полностью задан генами, в каких-то в другую - будут ли волосы чистыми и аккуратными, зависит только от обстоятельств и действий самого человека. Самое же главное в жизни — желание и умение работать, вера, ценности, способность любить и заботиться уж точно не от наследственности зависят.

С другой стороны, гены — это всегда в большой степени лотерея (кстати, и в случае с родными детьми тоже). А вдруг ваш приемный ребенок окажется наделен от природы талантами и качествами, которые в вашей семье не представлены?

На самом деле проблемы в развитии детей-сирот связаны в гораздо большей степени с травмой отрыва от семьи и родительской депривацией, чем с наследственностью. Именно отсутствие достаточной заботы и эмоционального контакта с близким взрослым в раннем детстве, а в некоторых случаях — жестокое обращение, являются основной причиной диспропорционального развития таких детей, а не пресловутая «генетика». Ребенок с самыми прекрасными генами в этих обстоятельствах развивался бы плохо. У покинутого, лишенного родителей ребенка с самого раннего возраста подорвана жизнеспособность. Близкий контакт с матерью (или с другим постоянным взрослым) в раннем детстве обеспечивает не

только эмоциональный комфорт, но и психофизиологическую стимуляцию, необходимую для благополучного формирования ЦНС и головного мозга. У ребенка, который в течение первого года жизни растет не «на руках», затормаживается и нарушается нормальный ход развития. Последствия этого достаточно серьезны, но обратимы. Тем легче, чем раньше изменится ситуация — та самая «среда». Мы много раз видели, как неузнаваемо менялись и расцветали дети, попадая в любящую семью. Их просто невозможно узнать — хотя все гены, как вы понимаете, остались теми же самыми.

Бояться генов, с одной стороны, естественно — ведь они не в нашей власти, с другой, бессмысленно — по той же самой причине. Отрицать их тоже нет смысла — стремление «обтесать» ребенка под себя, игнорировать все его отличия от нас ничем хорошим не кончается — ведь даже Мичурин не пытался выдать арбуз за большой такой полосатый желудь!

Кстати, об арбузе: история про него вовсе не такая грустная, как кажется на первый взгляд. Во-первых, дуб явно хорошо справлялся со своими родительскими обязанностями - арбуз, судя по всему, был увесистым и, наверное, спелым. Во-вторых, сам арбуз, между прочим, против дуба ничего не имел. Может быть, он как раз не хотел, чтобы его срывали? Им хорошо было вместе!

Что можно сделать?

- ***Отдать себе отчет в своих мотивах:*** чего я хочу? Помочь ребенку, которому трудно и плохо? Испытать радость родительства, заботы и любви? Или получить «идеального» ребенка?
- ***По особо пугающим вопросам, например, о генетически передающихся болезнях, собрать достоверную информацию.***
- ***Подумать о своем супруге, о самых близких друзьях.*** У них совсем «чужие» вам гены. Это не мешает ни любви, ни близости, ни взаимопониманию.

Знание – сила?

Так сложилось, что у многих людей стоит как бы знак равенства между понятиями «высшее образование» и «хороший человек». Возможно, оттого, что средний возраст нынешних приемных родителей – 30-40 лет, они – дети и внуки людей послевоенного поколения. В то время в Советском Союзе материально бедны были почти все. Быть богатым было не только опасно (это могли себе позволить очень немногие), но и в каком-то смысле пошло. А вот быть образованным – стало наконец и возможно, и престижно. Вера в Бога была изгнана из жизни общества, и духовные ценности свелись к образованию. «Знание – сила», оно стало социальной ценностью и «безопасной вершиной», которую можно было достичь самим – и помочь своим детям в ее достижении. А желание помочь детям, хоть как-то обеспечить их будущее – естественное желание каждого нормального родителя.

Времена изменились, но важность образования для многих родителей актуальна по-прежнему. Логика примерно такова: «образование обеспечивает интеллектуальное и душевное развитие, а также среду общения для ребенка, и тем самым служит фундаментом его (ее) будущего». Звучит разумно, но лишь отчасти. Душевное и моральное развитие связано не столько с интеллектом, сколько с воспитанием чувств, с отношениями, в том числе и внутри семьи, в которой растет ребенок. С тем, во что верят родители. С тем, во что верит и кого любит он сам. От этого действительно зависит, каким человеком вырастет ребенок — родной или приемный. И большинство родителей, вообще взрослых людей, понимают это вполне отчетливо.

В чем же тогда дело? Что заставляет вполне здравомыслящих людей тянуть ребенка «за уши» в институт, нередко вопреки не только желанию, но и объективным способностям чада? Наверное, подобное происходит в тех случаях, когда уровень образования ребенка рассматривается как признак «достойного родительства». В самом деле, ведь образование — это то, что можно реально предъявить окружающим. И уж тем более, если ребенок — из детского дома...

Образование — нужно. И важно. Но также важно не перейти, точнее — не переломить хрупкую грань, по одну сторону которой — то, что психологи называют «зона ближайшего развития», потенциал человека, который требуется развивать, прикладывая усилия, а по другую — усталость от чрезмерного напряжения, взаимное раздражение и отчуждение. Никакое образование не стоит того, чтобы ваши отношения с ребенком были разрушены, а он пришел к выводу что «такой» он вам не нужен.

Что можно сделать?

- ***Обратиться к специалистам***, которые проведут грамотную диагностику уровня развития ребенка и степени его отставаний, разработают систему развивающих и коррекционных занятий, подходящую именно вашему ребенку, дадут рекомендации, как с ним заниматься дома.
- ***Создавать дома «развивающую среду»***, много общаться с ребенком, поддерживать его начинания, разрешать пробовать новое; самим относиться к занятиям как делу увлекательному, а не как к «обязаловке»,
- ***Помнить***, что отставание в развитии детей-сирот связано прежде всего с недостатком любви и вызванной этим тревогой, которая блокирует природную любознательность ребенка, как говорят психологи, «***аффект тормозит интеллект***». Когда ребенок в вашей семье почувствует себя любимым и защищенным, его развитие ускорится.
- ***Не сравнивать с другими***. Любое сравнение подкрепляет неуверенность ребенка в своих силах и боязнь потерпеть неудачу.

Каждый ребенок уникален, кроме недостатков есть еще и особенности. Сравнивайте его только с ним самим, вчерашним: раньше не умел, а теперь получилось!

- ***Терпеливо ждать.*** Получить все и сразу невозможно. Ни одному садовнику не придет в голову разворачивать бутон, чтоб цветок быстрее раскрылся и стал красивым! Все, что в принципе возможно – в свое время будет, при условии хороших взаимоотношений и вашей разумной помощи и поддержки. А что невозможно – того все равно не добьетесь, только измучаете себя и ребенка.
- ***Разумно определять нагрузки.*** Они должны быть посильны и для нервной системы, и для интеллектуального потенциала ребенка. Приготовление уроков «до ночи» не бывает продуктивным!
- ***Всегда искать позитив.*** Никому не хочется делать то, что не получается. Научите своего ребенка замечать пусть небольшие, но улучшения. Успех – лучший мотив в обучении.
- ***Хвалить за усилия, а не за результат.*** В любом деле важны последовательные усилия и преодоление трудностей. Научить ребенка этой жизненной мудрости – наверное, основная задача. Приемным детям она дается сложнее. Во-первых, опыт отвержения родными родителями подрывает веру в себя, а она лежит в основе настойчивости и упорства (не путать с упрямством – это вещи прямо противоположные!). Во-вторых, именно воля и терпение – качества, которые отсутствовали у кровных родителей этих детей, и формировать их приходится «с чистого листа».
- ***Верить в ребенка.*** Вера родителей в своего ребенка – это источник его жизненных сил и две трети будущего успеха!

Не все то своровано, что украдено

Дети, как приемные, так и родные, умеют сделать так, чтобы родители в этой жизни не скучали. То сломают что-нибудь, то подерутся, то в историю попадут. Все это называется «трудное поведение», и трудное оно, как вы понимаете, в первую очередь для родителей (детям, наоборот, бывает трудно так себя не вести; впрочем, некоторым из них изредка это удастся).

Один из самых распространенных и самых пугающих для родителей типов трудного поведения — детское воровство. На его примере мы рассмотрим, как «устроено» трудное поведение и как часто под одним явлением кроется множество очень разных.

Почти каждый ребенок хотя бы один раз попробует что-нибудь украсть. И во многом от реакции взрослых зависит, чем станет для ребенка эта ситуация — новой ступенькой в понимании границ и правил человеческого общения, или представлением о себе как о преступнике. Причин того, что ребенок берет без спроса не принадлежащие ему вещи или ценности, может быть достаточно много:

Неосведомленность. Дети, растущие в детском доме, не имеют «своего», и, соответственно, не понимают, что такое «чужое». При общественном укладе жизни все вокруг общее, поэтому взять без разрешения — вовсе не значит «украсть». Точно также ребенок, выросший в детском доме, может не знать ничего о назначении денег, о том, что они имеют определенную ценность, что их количество ограничено, что они кому-то принадлежат. И когда ребенка ругают за такой поступок, он не понимает, что такого страшного сделал.

Клептомания, которой часто боятся люди, готовящиеся взять в семью ребенка, — это не особенность детей из неблагополучных семей, а психическое расстройство, болезнь, которая в принципе может поразить любого из нас. Но только в принципе: к счастью, настоящая kleптомания — очень редкое заболевание, столкнуться с ним в реальной жизни крайне маловероятно.

Невротическое воровство. Воровство этого типа может встречаться у детей, переживших психологическую травму, неуверенных в своем нынешнем положении, испытывающих страх перед будущим, имеющих низкую самооценку. Это — своего рода попытка заполнить «черную дыру» беспокойства, вызванного дефицитом любви, причем, возможно, дефицит был в прошлом, но «дыра» еще не успела затянуться. Чувство риска, азарт и инфантильное удовольствие присвоения желаемого временно заполняют пустоту. Но поскольку это лишь замещение реальной потребности, оно насыщает ненадолго. После пережитой опасности наступает желанное успокоение, тревога на время отпускает. Однако позже возникает вновь, усугубленная виной и уверенностью, что «я совсем пропащий». Этот тот самый тип воровства, о котором пишут в прессе, удивляясь: зачем звезда с миллионными гонорарами украла в супермаркете маечку? Да ведь, к сожалению, от несчастного детства и звезды не застрахованы.

Демонстративное воровство. Ребенок намеренно нарушает запрет не брать что-либо, хотя прекрасно понимает, что попадется, он, словно делает «назло». После раскрытия кражи ведет себя вызывающе, хамит, отпирается, врет в глаза. Скорее всего, это т.н. «протестное поведение». Возможно, ребенок проверяет границы: а что вы сделаете? Не откажетесь ли от него? А возможно, таким странным образом «выбивает» особое внимание к себе. Некоторые дети, лишенные любви и заботы, приходят к выводу, что единственный способ привлечь внимание взрослого — разозлить его. Наказание их меньше пугает, чем безразличие. Причем за безразличие они порой принимают обычную сдержанность — особенно если привыкли к крику и побоям.

Присвоение статуса. Порой дети связывают наличие каких-либо вещей с чувством собственной значимости, уверенности в себе. Зависть к вещам — проявление чувства собственной малоценности, которая часто бывает у детей, отвергнутых собственными родителями. Иногда, особенно у подростков, иметь то же, что есть у других — значит «быть как все», «своим», принадлежать к значимой группе. Во взрослом мире «статусные

вещи» означают принадлежность к социальной группе с определенным материальным достатком. В подростковом микросоциуме правила жестче: если у тебя нет того, что есть «у всех наших», ты — «лох», изгой, «белая ворона». То есть для подростков обладание чем-то — еще и способ избежать насмешек и травли, которых они боятся панически. И если ребенок со счастливым детством и прочным домашним «тылом» за спиной часто способен справиться с такой ситуацией, то для приемного ребенка стресс оказывается чересчур сильным.

Что же такое **собственно воровство**? Согласно словарю, это *«спланированное присвоение чужого имущества ради его материальной ценности. При этом человек осведомлен о социальном и моральном запрете на такие действия, осознает степень вреда для жертв кражи и возможность наказания для себя»*.

Как мы видим, далеко не все случаи, когда ребенок берет чужое, на самом деле являются воровством! А реакция взрослых часто носит «опережающий» характер: «Сегодня украл шоколадку, а завтра — станет вором-рецидивистом. Опять-таки, гены... Все, это конец, все было зря, ничего не вышло, мой ребенок — вор!»

На самом деле именно в момент родительского отчаяния (а не в процессе кражи шоколадки) над будущим ребенка сгущаются тучи. Потому что у него самого нет опыта, он ничего толком не знает о себе. Он получает информацию только от нас, взрослых. А тут сам папа (сама мама) говорит, что он — вор. Значит, так оно и есть... Опасность «ярлыков» состоит в эффекте социального гипноза: «как вы лодку назовете, так она и поплывет!».

Опасения, что воровство связано именно с тем, что ребенок — приемный, имеют под собой основания. Только гены тут опять ни при чем. Моральное развитие непосредственно связано с опытом благополучной привязанности. В основе «голоса совести» лежит не столько страх наказания, сколько боязнь утраты любви и уважения близких, а также способность сочувствовать другим людям. Большинство детей, воспитывающихся в благополучных родных семьях, к старшему дошкольному возрасту знают о том, что такое «можно» и «нельзя», «хорошо и плохо». Однако сначала они просто «не хотят расстраивать маму», «не хотят поссориться с папой». Следовать моральным нормам самостоятельно и осознанно, по «внутреннему закону совести» дети становятся способны значительно позже — примерно к 10—11 годам. Если же у ребенка раннее детство было неблагополучным, отмечаются задержки в развитии совести: ему некого беречь, он не умеет сочувствовать, нет отношений, которыми он бы дорожил, ведь всему этому тоже нужно учиться. Плюс постоянное чувство тревоги, задержка в интеллектуальном развитии (идея собственности — сама по себе довольно сложная). Поэтому детям с «неблагополучным стартом» дольше требуется внешний контроль.

Почему мы так подробно рассказываем о разных типах воровства? Потому что, если это, по сути, не воровство, а неосведомленность (невротическая тревога, протест, страх быть отвергнутым и т. п.), бесполезно бороться с симптомом, внешним проявлением проблемы, то есть собственно с утаскиванием шоколадки. Это все равно, что усердно вытирать лужи, если прохудилась крыша, а дыру не заделывать (как вы понимаете, ругаться и топтать ногами или плакать и отчаиваться — еще менее продуктивно). Нужно понять, что происходит с ребенком на самом деле. Тогда можно будет решить истинную проблему, а воровство пройдет само.

Что можно сделать (все, сказанное ниже, подходит и для любого другого типа трудного поведения)?

- ***Ясно осознавать свои цели.*** Понятно, что при столкновении с трудным поведением нас захватывает буря эмоций. Так и хочется надавать, как следует, чтобы запомнил. Вы, конечно, получите разрядку. Но что именно ребенок «запомнит»? Что вы бываете страшны в гневе? Что лучше не попадаться? Чувствуете разницу между «воровать плохо» и «воровать опасно — побьют»? Вы, собственно, какого результата хотите?
- ***Помнить, что ребенок, совершивший проступок, не преступник.*** Случившееся — шанс для него освоить некоторые важные правила человеческого общежития. Использует он его или нет — во многом зависит от реакции взрослых. Навешивая ярлыки, вы его лишаете возможности выбора в будущем: ведь он уже вор, чего тут думать-то?
- ***Собрать полную и непредвзятую информацию о том, что произошло.*** К сожалению, к детям из детского дома существует предвзятое отношение, и ребенка могут обвинить несправедливо.
- ***Постараться понять, что стоит за поступком ребенка,*** какова эта ситуация с точки зрения ребенка, каковы были его намерения и как он понимает результат. Для этого нужно внимательно и спокойно его выслушать. А чтобы он мог быть откровенным с вами в столь стрессовой ситуации — до этого создавать доверительные отношения.
- ***Учитывать возраст и особенности развития ребенка.*** Часто взрослые терпимо относятся к тому, что ребенок отстает в росте или в учебе, но не могут перенести задержки в развитии совести. На самом деле это такая же зона развития, как и другие. Просто, возможно, сейчас ребенку, которому десять лет от роду, в моральном отношении — еще только шесть. И относиться к его поступкам, объяснять ему, что произошло, надо с учетом этого.
- ***Подробно и понятно объяснить ребенку, чем именно плох его поступок.*** Почему нельзя брать чужое без спросу, даже если хочется. Что теряет тот, кто берет чужое — прежде всего, в отношениях с людьми. Рассказать, как плохо тому, у кого украли,

что он чувствует. Объясните, что желание взять чужое посещает в детстве всех людей, и как люди это преодолевают, и т.д.

- **Предложить выход из ситуации.** Обязательно надо вместе с ребенком попросить прощения (объяснив, зачем!), при этом не позорить и не бросать одного. Найти способ самому ребенку возместить нанесенный ущерб: вернуть, сделать своими руками новое, отдать свое взамен растраченного и т.д.
- **Выразить уверенность** (не требовать обещаний, не угрожать, а именно выразить твердую уверенность), что в будущем ребенок научится справляться с соблазном взять чужое.
- **Своим собственным поведением выражать уважение к собственности**, в том числе к вещам самого ребенка, спрашивать разрешения, не рыться в его вещах. И его **не вводить в искушение**, не бросать где попало деньги и ценности, пока не будете уверены, что это не станет невольной провокацией.
- Если вы обнаружили, что за воровством стоят другие причины, **начать решать эти проблемы**. Если вам кажется, что сами вы не можете понять, что движет ребенком, **обратиться к детскому психологу**.

Лолита или...

Один из самых кошмарных кошмаров — развратный ребенок. От этого бросало в холодный пот даже выдавших виды героев Достоевского. Помните, детское личико — и томный взгляд из-под полуопущенных ресниц. В реальности все порой бывает даже не столь поэтично: крошки сыплют похабными остротами, непристойно лезут к детям и взрослым, проявляют явный интерес ко всему, что «про это». У специалистов это называется **«сексуализированное поведение»**. Конечно, приемные родители в шоке — ребенку пять-шесть лет, а он что творит? Что же будет дальше-то?

Попробуем разобраться. Представьте себе реальную жизнь ребенка из неблагополучной семьи. Взрослые или пьяные, или с похмелья. Злые, ругаются, не кормят. Мама угрюма, безразлична, а может и ударить, если будешь приставать. И вдруг звонок в дверь — пришел мужчина. Принес выпивку и закуску. Мама сразу оживилась, улыбается, хлеба с колбасой дала. Потом они, выпив, целуются, валяются на постель, говорят «те самые» слова и делают «те самые» движения. И вот уже мама смеется, добрая становится, да и дядя по голове погладил и конфету дал (хорошо, если только по голове погладил). Естественно, для ребенка в этом случае все, что связано с «этим» становится особенно значимо и привлекательно. Потому что только «это» означает радость, ласку, выживание. Если его не выгоняют — значит, позволяют принять участие в этом «празднике жизни». Он горд, что все знает и понимает. При этом ему и страшно, и тревожно, ведь по поведению взрослых он чувствует, что это «что-то особенное», стыдное, тайное.

Попав в новую семью, он может демонстрировать сексуализированное поведение просто по привычке. А потом, поняв, что смущает взрослых, может использовать как своеобразную власть над ними — они ведь явно не знают, как себя вести! Кроме того, любой ранний опыт в этой сфере, даже если не было прямого насилия — травма для ребенка. Травма рождает тревогу, она требует выхода. Ребенок демонстрирует сексуализированное поведение новым родителям в смутной надежде, что они помогут разобраться, как-то переварить этот опыт, с которым сам он не знает, как поступить.

То есть подлинная причина «развратного» поведения ребенка вообще никакого отношения к сексу не имеет. Она все та же — дефицит любви и ласки, тревога и незащищенность. Кстати, именно поэтому, а вовсе не из-за «генов матери-проститутки» нередко «идут по рукам» девочки, выросшие без родительской ласки. Они обычно не получают ни малейшего сексуального удовольствия от своей «распутной» жизни, просто они готовы платить своим телом даже за такой суррогат ласки и внимания, за то, чтобы хоть одну ночь не оставаться одним — в постели и в жизни.

Все еще сложнее, если ребенок был свидетелем насильственного секса или даже сам был жертвой насилия (это возможно и в неблагополучной семье, и, к сожалению, даже в детском учреждении). Возможно, эпизоды сексуального использования были вообще единственными моментами в жизни ребенка, когда на него обращали внимание, его касались и с ним разговаривали. Возможно, взрослый внушал ребенку, что «ты на самом деле сам этого хочешь» или «видишь, какая ты испорченная, никому не говори, а то тебя накажут». Возможно, его держали впроголодь и кормили только «после этого», или били в случае сопротивления. Или говорили: «Видишь, как я тебя люблю. Иди ко мне». Вина, стыд, боль, отверженность, бессилие сплетаются в результате в душе ребенка в такой мучительный узел, что он буквально «сам не свой», то есть не справляется ни со своими чувствами, ни со своим поведением. Выглядеть со стороны это может как угодно, и как зажатость, и как «испорченность», и как «неадекватность»: представьте, что вы от чистого сердца говорите ребенку с таким опытом «я тебя люблю, иди ко мне», а у него — истерика.

Должно пройти немало времени, прежде чем ребенок узнает и поверит, что любовь бывает другой: бережной, бескорыстной, уважительной. И, скорее всего, для преодоления столь тяжелого опыта ему понадобится помощь специалистов. Самое плохое, что может случиться с ним в приемной семье, — если на лицах родителей он увидит гадливость и презрение, подтверждающие его и так очень низкое мнение о себе; или если реакцией будет ярость, и ребенок испугается и замкнется; или если он поймет, что они сами смертельно боятся этой темы, а значит, ничем ему не помогут.

Здесь, как и с воровством, «все не так, как на самом деле». Сексуализированное поведение ребенка всегда — результат травмы (кроме редких случаев врожденных патологий, которые проявляются обычно и десятком других гораздо более тяжелых симптомов). Никаких действительно «сексуальных» потребностей в результате травмы, естественно, появиться не может. Потребности этих детей все те же — научиться любить и быть любимым, защищать и уважать себя, оставить прошлое в прошлом и жить дальше. Для этого ему понадобятся ваша любовь и ваше спокойствие.

Что можно сделать?

- **Не смущаться.** Вы взрослые люди. Оставьте фантазии о развратных детях литераторам. Как мы уже знаем, «секса» в этом — меньше всего. Спокойно и уверенно (но не гневно!) объясните ребенку, что так себя вести не принято и некрасиво, дети так делать не должны. Конечно, это само по себе не поможет, но **ребенок должен знать вашу позицию**. Если вам неудобно перед родственниками или друзьями, просто спокойно скажите им, что это со временем пройдет.
- **Показать альтернативу.** Если ребенок не подвергался насилию, а скорее страдал от невнимания и отсутствия ласки, побольше возитесь с ним, весело тормозите, держите на руках. Он должен увидеть, что объятия и поцелуи — это не обязательно секс.
- **Обратиться к специалисту, особенно если вы знаете или подозреваете, что ребенок был жертвой насилия.** Это очень тяжелый опыт и будет лучше, если ребенку поможет профессионал. Возможно, с вами он вообще не захочет говорить на эту тему, и в этом нет недоверия. Ребенку важно, что его новый дом — территория безопасности и даже разговоры о «том прошлом» здесь ему не нужны. Пусть это происходит в кабинете психолога — и там и остается.
- **Не поддаваться страху!** Самое ужасное, похоже, уже случилось. Ребенку и самому страшно. Он должен видеть, что вы не боитесь этой темы, а значит, сможете ему помочь.
- **Быть очень осторожным, если ребенок пережил насилие.** Ваши проявления любви могут его напугать. Договаривайтесь с ним о каждом шаге: «Я подойду и укурю тебя на ночь, хорошо?» Если он не хочет — значит, нет. Он должен поверить, что вы не будете ничего с ним делать против его воли (это не значит, что вы не можете настаивать на своем в других сферах — речь только о случаях физического, телесного контакта).
- **Поднимать самооценку.** Ребенок должен знать, что представляет собой ценность не только как сексуальный объект. почаще говорите ему, как вам с ним интересно, как он вам помогает, какой он сообразительный и т. п.

«Дитя-монстр» и «Дитя-монстр возвращается»

А вдруг он... все разнесет... будет мучить животных... бить маленьких... обругает бабушку... Картины, одна ужаснее другой встают перед глазами. Наверное, один из самых сильных страхов взрослых — страх перед детской агрессией. Потому что, если нападает и дерется равный, можно тоже разозлиться и дать сдачи. А если угроза исходит от ребенка, особенно маленького, мы теряемся и не знаем, что делать. Происходит сшибка сильнейшей глубинной установки «ребенка надо любить и защищать» и внезапно поднимающейся изнутри волны собственной ответной агрессии: «Да как он смеет! Я ему...». Не удивительно, что почти каждый год появляется новый голливудский фильм про такого маленького, хорошенького ребеночка, который на самом деле — просто монстр.

Все дети проходят в своем нормальном развитии периоды, когда учатся владеть собой, сдерживать спонтанный гнев. Усвоение социальных норм и правил выражения своего недовольства начинается в возрасте 2-3-х лет. В благополучном варианте ребенок постепенно учится находить приемлемые для его окружения способы реагирования негативных эмоций и способы достижения желаемого. После десятка истерик ребенок убеждается (при правильном поведении родителей), что это не лучший способ получить что-то. С другой стороны, он узнает, что иногда взрослых можно просто попросить, или убедить, наконец, справиться самому. Если родители принимают его чувства, но ставят рамки поведению, он приходит к выводу, что злиться — нормально, а вот крушить все вокруг — нет. Он не боится своей злости, и она быстрее уходит.

Дети, не имеющие опыта благополучных внутрисемейных отношений, не имеют ни позитивных образцов поведения в сложных ситуациях, ни опыта правильных ограничений деструктивного поведения. Возможно, их вообще замечали только, когда они начинали истошно орать. Возможно, они наблюдали, как взрослые сами не справляются со вспышками гнева и превращаются в «монстров». Поэтому, когда таких детей посещает гнев, они оказываются беспомощны: имеющиеся в их распоряжении модели поведения плохи и неприемлемы, а других у них нет.

Более того, многие дети из неблагополучных семей подвергаются жестокому обращению. Последствия насилия двояки: боль и страх требуют реагирования, и ребенок еще долгое время «выплескивает» их на окружающих. Кроме того, ребенок усваивает модели «насильственного» поведения, и требуется время и труд воспитателей, чтобы переучить его.

Взрослые люди могут испугаться ребенка, ведущего себя разрушительно. Сильный аффект вообще пугает, а если непонятны причины, его вызвавшие, то и подавно. Сам ребенок тоже не осознает истинных мотивов своего поведения, и уж тем более не в состоянии что-либо объяснить.

Растерянность взрослых он воспринимает как их слабость, и у него возникает ощущение контроля над ситуацией, своего превосходства над взрослыми, а значит, учитывая его прошлый горький опыт, своей защищенности. Так **растерянность и испуг взрослых подкрепляют агрессивное поведение ребенка**. В следующий раз приступ гнева возникает легче и длится дольше. Поскольку открытое проявление агрессии является наиболее запретной формой поведения в обществе, у взрослых возникает сильное искушение счесть ребенка «ненормальным». Они еще больше пугаются — и тем самым окончательно лишают ребенка надежды получить то, что ему на самом деле нужно: защищенность, в том числе от самого себя. Ведь от своего гнева он страдает не меньше окружающих — тяжело жить рядом с монстром, а каково, когда монстр — внутри тебя самого?

Иногда агрессия прямо направляется на себя, это называется **аутоагрессия**. Ребенок может явно причинять себе боль — кусать, царапать, вырывать волосы, или делать это нечаянно — падать «на ровном месте», врезаться в углы, обжигаться (причем все это случается столь часто, что речь явно идет не об обычном детском бытовом травматизме). В старшем возрасте аутоагрессия может толкать ребенка к заведомо очень опасным забавам, нарушению закона, и даже попыткам покончить с собой. За аутоагрессией стоит глубокое неприятие самого себя, бессознательное убеждение ребенка, что ему не следует быть. Потому что единственный источник, из которого мы с вами узнаем, что желанны на этом свете — любящие лица наших родителей. Это, собственно, и ответ на вопрос, как помочь ребенку с аутоагрессией — она проходит по мере того, как он убеждается, что нужен и любим. Но чтобы в это поверить, ему недостаточно слов и уверений — должно пройти время, и совместный опыт жизни с приемными родителями сформирует у ребенка новое отношение к самому себе.

Аутоагрессия как отвержение самого себя, самообвинения и приступы отчаяния встречается у чувствительных детей и в острой фазе переживания утраты родной семьи. Причем ребенок может «застрять» в переживании горя, превратив его в ритуал «искупления» и выражая таким образом свою любовь к покинувшим его значимым людям. Если взрослые не реагируют на подобное поведение ребенка, оно усиливается. Причиняя себе боль, физическую или эмоциональную, ребенок словно надеется, что если ему станет по-настоящему плохо, родители вернутся. Важно, чтобы он в это время узнал, что утешение и помощь можно получить не только от ушедших близких, но и от других взрослых, от приемных родителей. Если они будут искренне стараться помочь ему, уважая его горе и не пытаясь его поскорее «затушевать» и обесценить («было бы о ком горевать — об этой алкоголичке»), ребенок доверится и научится находить опору в новых привязанностях.

Каждый агрессивный ребенок хочет, чтоб его близкие взрослые могли справиться с его гневом. Ведь если родители могут защитить ребенка от него самого, то они смогут защитить его и от всего остального в этой жизни. А это как раз то чувство защищенности, которого ему так недостает и которое необходимо любому ребенку для роста и развития.

ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ?

- *Не чувствовать себя жертвой. Фраза «я не могу с ним справиться» не должна звучать ни вслух, ни в голове. Ведя себя как жертва, вы провоцируете ребенка быть агрессором. Помните: вы заведомо сильнее. Как бы ребенок ни бушевал – это всего лишь маленький ребенок, да еще и несчастный.*
- *Не принимать ярость ребенка на свой счет. Его агрессия – это нормальная реакция на ненормальные обстоятельства жизни, которая выражается «не вовремя и не тем людям». Он зол, и у него есть на это основания. Это не мешает ему любить вас и со временем разобраться, что к чему.*
- *Бороться не с чувствами, а с поведением. Ребенок имеет право злиться, но не имеет права причинять вред окружающим. Если его «понесло», сохраняйте спокойствие. Когда дело ограничивается воплями – оставьте его одного. Если он может начать все ломать или нанести себе увечье, оставайтесь рядом и спокойно, но твердо удерживайте его от подобных попыток.*
- *Бороться не с ребенком, а с агрессией. Говорите с ребенком о его приступах ярости, как его союзник и помощник. Не обвиняйте и не требуйте невозможного – сам он с собой пока не может справиться. Вы должны преодолеть это вместе. Предложите ему новые идеи, что делать, когда «несет», заведите «подушку злости», которую можно колотить. Выражайте уверенность, что все получится, во время истерики вместо слов «Если ты не успокоишься сейчас же, я тебе...» гораздо уместнее: «Когда ты сможешь говорить спокойно, приходи и мы все обсудим».*
- *Внимательно относиться к проявлениям аутоагрессии. Постараться выяснить причины «самонаказания», понять, в чем ребенок винит себя, какова стоящая за виной утрата. Для этого важны доверительные отношения с ребенком, его уверенность, что вы все поймете и постараетесь помочь. Поняв причины аутоагрессии, вы узнаете, какова истинная эмоциональная потребность ребенка, а значит, сможете найти новый способ ее удовлетворения.*
- *Обратиться к специалисту. Ребенку может быть очень важно осознать причины своей ярости и выразить ее «по адресу» — это можно сделать с помощью психолога. Если ребенок уже осознает приступы агрессии как свою проблему и хочет с ними справиться, психолог может научить его приемам саморегуляции. В случаях*

аутоагрессии психолог поможет преодолеть чувство вины и неполноценности, научит находить новые точки опоры в жизни.

Статистика знает все...

Хорошо, гены ни причем, воровство — не воровство, а агрессия — это просьба о помощи. Все как-то сказочно. А как же объективные факты? Как же данные статистики, которые сегодня широко публикуются: из выпускников детского дома лишь 10% находят себя в жизни, остальные мыкаются между безработицей, одиночеством, зависимостями, тюрьмой и учреждениями соцзащиты. Как тут не испугаться приемному родителю: статистика — она же наука точная! Она, как говорили классики, «знает все». И раз такие ужасные результаты — значит, все-таки гены?

Статистика — действительно наука точная. Она оперирует точными цифрами. Но важное уточнение: изучением причин, по которым цифры получаются такими, а не иными, статистика не занимается. Давайте попробуем разобраться в причинах.

Посмотрим на ситуацию с точки зрения ребенка, выпускника детского дома. Много лет он провел в казенном учреждении. С одной стороны, он чувствовал себя обделенным по сравнению со своими благополучными семейными сверстниками. У него были хуже игрушки, еда, одежда, у него не было своей комнаты, не было дома, а главное — не было родителей. С другой стороны, он привык, что все появляется «само»: еда в столовой, чистое белье в спальне, новое оконное стекло взамен разбитого. Откуда все берется, что нужно сделать, чтобы все это появилось — ребенок не видит и не знает.

Далее. В детских домах порой бывает дедовщина не хуже, чем в армии, старшие заставляют младших подчиняться, и попробуй, возрази — избыют. Воспитателям это удобно, так они поддерживают дисциплину.

Все хорошее: сладости, игрушки, одежда распределяется поровну, «поскольку положено», и что есть на складе. У ребенка из детского дома нет возможности, как у домашнего, взять и наесться конфет. Ему дают конфету, но по одной в день. А в детстве так хочется иногда наесться как следует, не каждый день, но иногда. Или очень хочется именно розовую тетрадку, а дали только зеленую. Хочется необычных, модных кофточек, а дали — какие есть. Единственный способ добыть желаемое: выпросить, отнять, украсть у другого. Не потому, что сам ребенок плохой — а потому, что по-другому его желания просто не могут быть удовлетворены.

Наконец, добавим к этому очень небольшой шанс получить приличное образование и профессию — вне семьи ребенок имеет не много возможностей для развития способностей, да и учиться обычно не хочет. А кто хочет учиться, если чувствует себя несчастным и хуже других? Едва ли

не главный бич детей их детских домов — низкая самооценка, которая обессиливает, заставляет опустить руки и идти по пути наименьшего сопротивления.

А теперь представим себе детей с самыми лучшими генами, которые годами росли в таких условиях. Вот им исполняется 18 лет, они выходят в жизнь. Их «приданное» состоит из следующих пунктов:

1. Полное одиночество и никому ненужность. Никто не ждет, никто не поддерживает, не с кем поделиться и посоветоваться.
2. Полное отсутствие опыта нормальной жизни, умения налаживать быт, ребенок никогда не видел изнутри жизнь обычной, благополучной семьи. Он не знает элементарных вещей: как экономно расходовать деньги, как самому приготовить еду, где покупать одежду и как за ней ухаживать. И уж тем более не знает, как растить и воспитывать детей.
3. Привычка безоговорочно подчиняться более старшим и сильным, не вдумываясь в суть приказов.
4. Накопленное чувство обиды на жизнь, на судьбу, ревность и зависть к более благополучным людям.
5. Убеждение, что получить то, что хочешь, можно только за счет других, силой или обманом. Альтернатива — ничего вообще не хотеть и довольствоваться тем, что «само в рот попало».
6. Твердая уверенность, что ты хуже других, ни на что не способен и у тебя никогда ничего не получится (в сочетании с объективно низким уровнем знаний и нежеланием учиться).

И, как Вы думаете, сколько из этих детей с самыми хорошими генами смогут нормально жить? Привычка к послушанию старшим и обида на весь мир делают их самой легкой добычей для криминальных структур. И дети туда охотно идут, потому, что там все-таки их защищают, там все-таки они нужны.

Одиночество, неутоленная потребность в любви и ласке заставляют рано вступать в брак и рожать детей — так хочется, чтобы была, наконец, семья, любимые люди. Выпускники детских домов мечтают, что у них-то все будет хорошо, они-то своих детей не бросят. Но опыта и умения строить жизнь семьи — нет, все быстро разваливается, как ухаживать за ребенком — непонятно, бабушек и тетушек — нет. Результат — дети опять попадают в детдом. Неуверенность в себе вызывает чувство отчаяния, не дает пробиваться, стремиться к целям.

При этом бывшие детдомовцы не знают, что делать со своим плохим настроением. Их никто никогда не утешал и не баловал, и они сами не умеют себя утешать и баловать. Десятки способов, которыми владеет любой человек, чтобы справиться с приступом уныния, он не из головы выдумывает, это мама когда-то предлагала: «Что-то скучно, давай пойдем в

кино (прогуляемся, испечем пирог) или «Ну, не расстраивайся так, смотри, что у меня есть (конфета, игрушка, забавный пустячок)». Подбадривать и утешать самого себя — тоже умение, мы ему учимся дома, в семье. Ребенок, выросший в детском доме, этого не умеет. Любая неудача, спад сил — и он погружается в отчаяние полностью. Пока кто-нибудь не нальет... Напившись раз, другой, человек с ужасом понимает, что вот оно — его тянет туда, куда он зарекался попадать. Страх и вина усиливаются, на душе становится только хуже — появляется рюмка, далее везде.

Их очень жаль, этих ребят, но кто имеет право бросить в них камень? На их месте кто бы справился? Наследственность тут ни причем. Просто ребенок из детского дома весь — сплошная ахиллесова пята. У него все и везде незащищено и уязвимо. Защиту может дать только семья.

ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ?

Взять ребенка в семью и дать ему нормальное детство. Больше добавить нечего.